

РАЗДЕЛ II. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

1. Проблемы изучения лирики

ББК Ш5(2=Р)5–4

УДК 821.161.1

С. В. Рудакова

кандидат филологических наук, доцент

**К. Н. БАТЮШКОВ И Е. А. БОРАТЫНСКИЙ:
«ДИАЛОГИ» С ПАРНИ**

Ключевые слова: легкая поэзия, Парни, Батюшков, Боратынский, традиции, диалог, эпикуреизм

Русская литература первой трети XIX века формируется в условиях теснейшего взаимодействия с европейской культурой, в ситуации соперничества классицизма, сентиментализма и романтизма, а в последующем романтизма и реализма. Потому одной из важных примет и культурного и литературного процесса становится диалогичность. Более всего открытым диалогу оказывается именно романтический тип мировосприятия, носителям которого присущ интерес к движению, процессу, а не к их результату. Потому романтики и были так увлечены экспериментами со словом, с жанром, смыслом, художественным образом, так заинтересованы изучением истории, фольклора, религии, философии, а главное – творчеством предшественников и современников. Изучая другой мир, поэты открывают в нём и для себя, и для своего читателя что-то новое, иное.

Среди авторов европейской литературы, оказавших значительное влияние на русскую романтическую лирику первой трети XIX века, можно выделить Эвариста Парни. В творчестве Парни удивительным образом переплелись совершенно разные литературные тенденции. С одной стороны, обнаруживается следование некоторым

принципам классицистической поэтики, что особенно выразительно проявлялось в произведениях, написанных в духе Тибулла, полных высокой патетики. С другой стороны, в лирике Парни ощущается влияние просветительского рационализма Руссо и Вольтера. Но в первую очередь привлекло внимание русских романтиков к творчеству Парни то, что этот автор, несмотря на свою органичную связь с культурой уходящего XVIII столетия, стал первым поэтом, кто, желая описать особым лирическим языком внутреннее состояние уникальной в своем роде личности, отказался от традиционных абстрактно-обобщенных элегических формул, по-особому представив чувственные переживания человека.

Более всего значимо влияние Парни на русскую лирику как поэта-элегика, одного из ярких представителей французской «легкой поэзии» (*poesie fugitive*). Необходимо учитывать тот факт, что в русскую литературу это понятие ввел К.Н. Батюшков. Впервые это словосочетание он использовал в своей «Речи о влиянии легкой поэзии на язык» [5], произнесенной в 1816 году при избрании членом Общества любителей российской словесности, он раскрыл суть этого явления, рассмотрел его историю в мировой и русской литературе. Но следует признать, что, хотя понятие «легкая поэзия» было предложено именно Батюшковым, само это явление существовало в России с XVIII века: те или иные проявления его связаны с ранним творчеством В.К. Тредиаковского, А.П. Сумарокова. И.П. Богдановича, с лирикой М.Н. Муравьева, М.М. Хераскова, Н.А. Львова, Г.Р. Державина и др. [См. подробнее: **10, 1, 8, 11**].

По мнению Батюшкова, «легкая поэзия», «которую можно назвать прелестною роскошью словесности, имела отличное место на Парнасе и давала новую пищу языку стихотворному» [5, 239]. Само понятие «легкая поэзия» для Батюшкова, как для поэта, вступившего на путь диалога с Парни, соотносилось прежде всего с эротической лирикой, которая «говорит языком страсти и любви, любимейшим языком муз» [5, 240], это «искусство трудное, требующее всей жизни и всех усилий душевных» [5, 241]. Кроме того, содержание этой поэзии определяли культ вина, дружбы, воспевание гедонических (чувственных) и эвдемонических удовольствий, восславление самой жизни.

О том, какие это ценности, что провозглашались французским элигом, и насколько они были привлекательны для русских лириков, могут свидетельствовать строки из стихотворения «Добрый совет» (1818), являющего собой вольный перевод Парни, сделанный юным Пушкиным. В этом тексте выразительно представлено мировосприятие приверженца «новой» «легкой поэзии»:

Давайте пить и веселиться,
Давайте жизнь играть,
Пусть чернь слепая суетится,
Не нам безумной подражать.
Пусть наша ветреная младость
Потонет в неге и вине,
Пусть изменяющая радость
Нам улыбнется хоть во сне.
Когда же юность легким дымом
Умчит веселья юных дней,
Тогда у старости отыдем
Всё, что отыметься у ней [15, 1, 366].

Уже современники обратили внимание на созвучие лирики К.Н. Батюшкова и поэзии Парни. Так, например, А.С. Пушкин в послании «К Батюшкову», давая восторженную характеристику своему старшему предшественнику:

Философ резвый и пиит,
Парнасский счастливый ленивец,
Харит изнеженный любимец,
Наперсник милых аонид,
Почто на арфе златострунной
Умолкнул, радости певец? [15, 1, 64], –

называет его «*наш Парни российский*» [15, 1, 64] <Здесь и далее выделено мною. – С. Р.>. Вслед за ним Н.М. Карамзин в одном из писем А.И. Тургеневу, упоминая приятеля, именует его «Батюшков – Парни» [14]. А.И. Тургенев же в переписке с князем П.А. Вяземским, вспоминая о друге, создает еще более выразительный образ: «Читаю с восхищением прелестный *impromptu* Батюшкова <...>. Поцелуй за меня *Парни Николаевича*. Святость его не мешает ему восхищать и восхищаться алебастровыми плечиками» [12].

Для Батюшкова Парни – объект восхищения и как личность, и как поэт. Так, в своих записках Батюшков, размышляя об одном из парадоксов европейской литературы, авторы которой соединяют шумную жизнь воинов с нежными мыслями, страстными мечтами и любовью, русский поэт вспоминает судьбу многих, в том числе и Парни: «Гораций бросил щит свой при Филиппах. Тибулл был воин. *Парни* служил адъютантом. Сервантес потерял руку при Лепанте» [6, 362]. Оказавшись в Париже в 1814 году вместе с русскими войсками, Батюшков, забыв на время о военных буднях, окунается в мир воспоминаний о знаменитой Академии, о французской

литературе и, воспользовавшись неожиданной возможностью, попадает на торжественное заседание в Институт, мечтая там встретиться с теми, чье творчество он так ценил. Но ожидания не оправдываются, о чем позже он с грустью в письме от 25 апреля 1814 г. рассказывает Д.В. Дашкову: «Ни *Парни*, ни Фонтаня я не видел. Шатобриана, кажется, не было» [3, 260]. Поразительна и другая деталь, встречающаяся в этом послании Батюшкова Дашкову: живописуя ситуацию, в которой оказался, поэт именует себя «маленьким Тибуллом» [3, 260]. Но если вспомнить, то и Парни часто сравнивали с этим древнеримским поэтом. Так, Вольтер даже дал своему младшему современнику прозвище «французский Тибулл». Подобные сопоставления Парни и Батюшкова с Тибуллом обусловлены определенной схожестью отношения поэтов к внешнему миру: их не радует триумф империй и жестокость войн, оба предпочитают этому мир «сладостных мечтаний», сердечного сладострастия, духовной независимости и отдают должное лирике земной любви.

Созвучие творческих исканий Парни и Батюшкова проявляется и в том, что их Муза созвучна по интонациям и тематике поэзии другого их древнего предшественника – Анакреонта, с которым их сравнивали, в случае с Батюшковым проводилась даже двойная параллель: он – и античный поэт, он – и французский элегик. Подобное объясняется, в первую очередь тем, что все трое – Анакреонт, Парни и Батюшков – связаны были с миром гедонической лирики. Обнаружить подобные сравнения можно, например, в лицейской лирике А.С. Пушкина, и в его неизданной поэме «Тень Фонвизина», где появляются такие строки о Батюшкове:

”Знакомый вид; но кто же он?
Уж не *Парни* ли несравненный,
Иль Клейст? иль сам *Анакреон*?”
“Он стоит их, – сказал Меркурий, –
Эрата, грации, амуры
Венчали миртами его
И Феб цевницею златою
Почтил любимца своего...” [15, 1, 146]; –

и в послании «Моему Аристарху» («Помилуй, трезвый Аристарх...»):

Анакреон, Шолье, *Парни*,
Враги труда, забот, печали
<...> О вы, любезные певцы,
Сыны беспечности ленивой» [15, 1, 137].

Увлеченность Батюшковым Парни проявлялась в многочисленных переводах и подражаниях французскому автору. В подготовленных к печати сборниках поэт в подзаголовках нескольких стихотворений – «Мщение», «Привидение», «Ложный страх» – непосредственно указывает на их первоисточник – «Из Парни». Первое является вольным переводом 9-й элегии из IV книги «Эротических стихотворений» («Poésies érotiques») Э. Парни, второе – элегии «Выходец с того света» («Le Revenant») (10-я элегия I книги), третье – элегии «Испуг» («La Frayeur»). Однако есть ряд батюшковских текстов, являющихся переложением произведений Парни, в названиях которых автором это никак не отражено. Среди них оказываются стихотворения «Источник» (основой которого является одноименная элегия Парни («Le torrent»)), «Вакханка» (представляющее собой вольное переложение девятого эпизода из поэмы Э. Парни «Переодевания Венеры» («Les déguisements de Venus»)), «Сон воинов» (вольный перевод отрывка из 3-й песни поэмы Парни «Иснель и Аслега» («Isnel et Aslega»)). Кроме того, на создание еще нескольких произведений Батюшкова повлияли, в числе других, и тексты французского поэта. Так, например, в процессе написания элегии «На смерть супруги Ф.Ф. К<ошочки>на» Батюшков обращается не только к мотивам стихотворения В.В. Капниста «На смерть друга моего», но отталкивается от образности и системы мотивов элегии Парни «Могила Эшарис»...

Однако, исследуя тексты переводов Батюшкова, мы понимаем, что он, подобно Жуковскому, вступает в своеобразное творческое состязание со своим предшественником и отказывается от принципа «переводить слово в слово, строка в строку» [4, 171]. Как следствие, существенно переосмысливает его тексты, меняя не только ритм, интонацию, но и настроение, усложняя, делая более земными и одновременно более возвышенными те переживания, которые берет у Парни за основу. На это качество Батюшкова впервые обратил внимание В.Г. Белинский: «Он и переводил Парни и подражал ему; но в том и другом случае оставался самим собою» [7, 7, 231–232].

Подобно своему французскому предшественнику, Батюшков переосмысливает традиции «легкой поэзии», раскрывает её возможности постигать внутренний мир души человека, описывать тончайшие его переживания. Вслед за Парни Батюшков доказывает своим творчеством, что произведения «легкой поэзии» – это не салонные тексты, призванные развлекать скучающую публику, это один из серьезных видов лирики; в своей статье поэт выделяет принципиально важные черты его: «В легком роде поэзии читатель требует возможного

совершенства, чистоты выражения, стройности в слоге, гибкости, плавности; он требует истины в чувствах и сохранения строжайшего приличия во всех отношениях < ... >. Красивость в слоге здесь нужна необходимо и ничем заменить не может» [5, 240–241]. Однако Батюшков идет дальше своего предшественника, становясь не столько подражателем Парни, сколько талантливым переводчиком его образности на романтический язык в русской лирике.

Для младшего современника Батюшкова – Е.А. Боратынского – Парни так же оказался тем поэтом, влияние которого способствовало формированию его особого дара. Примечательно, что Боратынского, как и Батюшкова, друзья-литераторы часто в полушутливой форме сравнивают с французским лириком. Так, К.Ф. Рылеев в письме от 6 октября 1822 г., адресованном Боратынскому, обращается к нему следующим образом: «*Милый Парни!* Сатиры твоей не пропускает Бируков. На днях я пришло её к тебе с замечаниями, которые, впрочем, легко выправить» [9, 127]. Пушкин оказывается среди тех людей, кто улавливает связь творчества всех троих поэтов – Парни, Батюшкова, Боратынского. Например, в послании П.А. Вяземскому от 2 января 1822 г. Пушкин с восторгом отмечает: «Но каков Баратынский? Признайся, что он превзойдет и *Парни* и *Батюшкова*» [15, 10, 29].

Как и многие представители культуры первой четверти XIX века, Боратынский признавал гений Парни, ставил его в ряд величайших поэтов, о чем говорят, например, его строки из стихотворения «Элизийские поля», в котором лирический герой Боратынского, представляет себя попавшим в мир Элизума и, описывая тех, с кем мог бы там повстречаться, выделяет Парни:

Там, в очарованной тени,
Где благоденствуют поэты,
Прочту Катуллу и *Парни*
Мои небрежные куплеты... [2, 93].

Боратынский, как и его предшественники, готов воспевать те жизненные ценности, которые были дороги Парни:

Где ни жил я, мне всё равно:
Там тоже славить от безделья
Я стану дружбу и вино.
Не изменяя в подземном мире,
И там на шаловливой лире
Превозносить я буду вновь
Покойной Дафне и Темире
Неприхотливую любовь [2, 93].

Однако в отличие, например, от Батюшкова Боратынский не только не акцентирует внимание на своей увлеченности творчеством Парни, но и позволяет себе в декабрьском письме от 1825 г. к П.А. Вяземскому в полушутливой, полусерьезной форме высказать следующие соображения о собственной поэтической позиции:

Простите, спорю невпопад
Я с вашей Музою прелестной;
Но мне *Парни ни сват, ни брат*:
Совсем не он отец мой крестный,

– правда, чуть ниже признается:

Он мне, однако же, знаком:
Цитерских истин возвеститель,
Любезный князь, не спорю в том,
Был вместе с вами мой учитель [9, 168].

Как и некоторые современники, Боратынский делает переводы Парни. В сборнике 1827 г. с подзаголовком «Из Парни» напечатано стихотворение «Ожидание», при последующих его публикациях автор отказывается сначала от подзаголовка, а позднее и от названия. Кроме этого произведения, можно назвать ещё ряд поэтических текстов Боратынского, в которых угадывается влияние Парни. Так, например, в стихотворении «Расстались мы; на миг очарованьем...» (в этой редакции впервые опубликованное в сборнике 1827 г. под заголовком «Разлука») лирическая ситуация схожа с той, что описана была Парни в его произведении «Как счастье медленно приходит» («Que le bonheur arrive lentement!...») из сборника «Эротические стихотворения» («Poesies erotiques», кн. IV, элегия 11), а также Батюшковым – в его переводе этого стихотворения Парни под названием «Элегия» («Как счастье медленно приходит»). Однако Боратынский, несмотря на явное влияние первоисточника, сознательно не указывает на то, что эти его произведения так или иначе связаны с Парни. Обусловлено это прежде всего тем, что, отталкиваясь от мотивов и образов стихотворений французского поэта, Боратынский выходит на собственные размышления о любви, расставании, мимолетности чувств и эфемерности состояния счастья, приобретающими в его произведениях большую романтическую окраску, чем это проявлялось в оригинале.

Обращается Боратынский к опыту Парни и при создании «Эпилога» («Чувствительны мне дружеские пени...»), в сборнике 1827 г. завершающего последнюю, «Третью книгу», после которой следовали ещё два раздела – «Смесь» и «Послания». Это стихотворение тематически близко произведению Э. Парни

«Прощание» («Les Adieux»), что также оказывается итоговым в третьей книге «Эротических стихотворений» («Poesies erotiques»). Но меж ними обнаруживается и принципиальное содержательное отличие. Французский поэт признается в утрате поэтического дара вследствие разрыва отношений с возлюбленной: потеряв её, он утратил желание творить. Герой Боратынского оказывается в иной ситуации, он также заявляет о своей неспособности служить поэзии, но причина этого кроется в ином – в охлаждении души, утрате ею потребности любить и созидать. Боратынский создает образ романтического героя с преждевременно состарившейся душой: «Охота петь уж не владеет мною: / Она прошла, погасла, как любовь. / Опять любить, играть струнами вновь / Желал бы я, но утомлён душою» [2, 100].

Хотя знакомство с творчеством Парни происходит напрямую (французский язык Боратынский, как и многие дворяне, знал в совершенстве и читал Парни в оригинале), усвоение Боратынским отдельных элементов поэтики «легкой поэзии» идет всё же именно «через» Батюшкова.

Первые стихотворения Боратынского носят явно гедонический характер, в них прослеживается влияние Батюшкова и Парни в обращении поэта к эпикурейским и эротическим мотивам. Но для Боратынского готовность восхвалять эпикурейское счастье не была органичной [см.: 16, 106], поэтому почти в любом его «гедоническом стихотворении» не выдержано до конца настроение приподнятости. Начиная говорить о радостях любви, о Купидоне, повторяя общие места, присущие такой лирике, поэт часто обрывает стихотворения грустными видениями, заставляет читателя задуматься над вечными вопросами бытия, остановиться в суете дней и попытаться определить смысл своей жизни, понять, зачем пришел он в этот мир, что для него любовь и дружба. И как следствие, сам Боратынский признается в письме Н.В. Путьте от 29 марта 1825 г, что в нем «веселость – усилие гордого ума, а не дитя сердца!» [9, 157].

Привнесенная от Парни и Батюшкова в поэзию Боратынского жизнерадостность настолько переосмысливается последним, что приводит к смыканию в пределах одного стихотворения разных эмоциональных состояний. Это определяет противоречивость характеристик таланта поэта: одни называли его «певцом веселья и красоты», другие – «разочарованным», который «безрадостно с друзьями радость пел». Боратынский рано начинает ощущать расхождение с беспечными друзьями, воспевающими эпикурейские удовольствия, а вскоре осознает и чуждость для себя культа

наслаждения, воспринятого у Парни и Батюшкова. Он переосмысливает предлагаемое его предшественниками, философски обобщает их опыт в контексте своего поэтического творчества. И выбирает свой путь в романтической поэзии.

Литература

1. Абрамзон, Т. Е. «Любовная гадательная книжка» А.П. Сумарокова в контексте культуры XVIII века, или Литературная безделка от «северного Расина» / Т. Е.. Абрамзон. – М.: ОГИ, 2013. – 192 с.
2. Баратынский, Е. А. Полн. собр. стихотворений / Е. А. Баратынский / Вступ. ст. И. М. Тойбина. Сост., подгот. текста и примеч. В. М. Сергеева. – 3-е изд. – Л.: Советский писатель, 1989. – 464 с.
3. Батюшков, К. Н. Письмо Дашкову Д. В. от 25 апреля 1814 г. / К. Н. Батюшков // Батюшков К. Н. Соч.: в 3 т. – СПб.: П. Н. Батюшков, 1885–1887. – Т. 3. – С. 257–264.
4. Батюшков, К. Н. Письмо Н. И. Гнедичу от 29 декабря 1811 г. / К. Н. Батюшков // Батюшков К. Н. Указ. соч. – Т. 3. – С. 169–172.
5. Батюшков, К. Н. Речь о влиянии легкой поэзии на язык в обществе любителей русской словесности в Москве / К. Н. Батюшков // Батюшков К. Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 237–249.
6. Батюшков, К. Н. Чужое – мое сокровище / К. Н. Батюшков // Батюшков К. Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 288–369.
7. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. / В. Г. Белинский. – М. : АН СССР, 1953–1959.
8. Бруханский, Л. Н. М. Н. Муравьев и легкое стихотворство. // XVIII век. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – Сб. 4. – С. 157–171.
9. Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского / Сост. : А. М. Песков; текст подгот. Е. Э. Лямина и А. М. Песков. – М. : Новое литературное обозрение, 1998. – 496 с.
10. Макогоненко, Г. П. Пути развития русской поэзии XVIII века / Г. П. Макогоненко // Поэты XVIII века. – Л.: Советский писатель, 1972. – Т. I. – С. 5–74.
11. Петров, А. В. «Эротико-Политические формулы» в торжественных одах 1741–1742 гг. (материалы к словарю одических топосов) / А. В. Петров // Проблемы истории, филологии, культуры. – М., Магнитогорск; Новосибирск, 2011. – № 3. – С. 342–346.
12. Письмо А. И. Тургенев П. А. Вяземскому от 3 ноября 1816 г. // Остафьевский архив князей Вяземских. – Т. I. Переписка П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1812–1819. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. – С. 61.

13. Письмо Н. М. Карамзина А. И. Тургеневу от 27 июня 1814 г. // Русская старина. – 1899. – Вып. 2. – С. 466.
14. Письмо Н. М. Карамзина А. И. Тургеневу от 27 июня 1814 г. // Русская старина. – 1899. – Вып. 2. – С. 466.
15. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. / А. С. Пушкин / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). Текст проверен и примеч. сост. Б. В. Томашевским. – 4-е изд. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979.
16. Рудакова, С. В. Философия счастья в лирике Е. А. Боратынского / С. В. Рудакова // Известия Уральского федерального университета. – Серия 2. «Гуманитарные науки». – Екатеринбург, 2012. – № 4 (108). – С. 103–114.

**K. BATYUSHKOV AND E. BORATYNSKY:
"DIALOGUES" WITH PARNI**

S. V. Rudakova

Abstract

The author of the article investigates the problems of Parni's poetry influence on the K. Batiushkov's and E. Boratynsky's poems, the rethinking methods of "poesie fugitive" traditions coming from Parni, especially the assimilation of the Epicurean images and motifs in the Russian poetry.

Key words: Poesie Fugitive, Parni, Batiushkov, Boratynsky, Traditions, Dialogue, Epicureanism